СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 8

Введение 10
Новый взгляд на историю кооперативов 11
Различить кооперативы и кооперативное движение 18
Чем эта книга отличается от предыдущих работ о кооперативах в России 21
О чем эта книга 33

Часть I

Зарисовки 41
Кредитное товарищество, 1896–1917 годы 41
Общество потребителей, 1864–1917 годы 42
Промысловое товарищество, или артель, 1864–1917 годы 44

Глава 1. «Кооперация не должна быть революционной»: кооперативный опыт и его политическое использование (1860–1895) 47
Циркуляция идей и их приспособление к местным условиям: 1860-е годы 49
Надежды и разочарования 1870–1880-х годов 71
Изобилие наименований и разнообразие объединений в 1890-х годах . 80

Глава 2. Российское кооперативное движение: неоднородность и стратегическое единство (1895–1914) 94
Неочевидное сочетание разных течений в одном движении 96
Общий «кооперативный дух»: модернизация, технические знания и классовое примирение 107
Бесконфликтное движение? 119

Глава 3. Сельскохозяйственные кооперативы: один из способов сделать российскую деревню современной (1895–1914) 130
Инструмент правительственных реформ 132
Кураторы кооперации: ревизоры, советники и апостолы 145
Сельскохозяйственные кооперативы: место, где крестьяне учатся быть гражданами 160

Глава 4. «Нежный цветок кооперации»: развитие потребительских обществ до Первой мировой войны (1895–1914) 179
Кооперативы как форма проявления протеста 180
Контролировать рабочих посредством потребительских обществ . . 192
Вне логики протестов: рождение потребителя 206

Глава 5. Кооперативы во время Первой мировой войны и Февральской революции . . . 222
Кризис снабжения: новое поле действий для кооперативов . . . 225
Новые методы управления кооперативами на местном уровне . . . 239
Раскол кооперативного движения . . . 249

Часть II

Зарисовки . . . 263
Сельскохозяйственное товарищество 1921–1930 годов и сельскохозяйственное кредитное товарищество 1924–1930 годов . 263
Потребительское общество, 1921–1935 годы . . . 264
Промысловое кооперативное товарищество, или артель, 1921–1956 годы . . . 265

Глава 6. Конец кооперативного движения и начало новой советской кооперации (октябрь 1917 — 1924 год) . . . 267
Потребительские общества: взаимное недоверие и приспособление (1917–1924) . . . 269
Большевики открывают для себя сельскохозяйственные кооперативы (1917–1924) . . . 286
Преемственность учреждений и обновление кадров (1917–1924) . . 298

Глава 7. После октября: кооперативные мечты, большевистская реальность (1917–1924) . . . 312
Работники региональных кооперативных союзов в годы Гражданской войны . . . 313
Новые отношения инструкторов кооперации с местным населением . . . 329
Разочарование и приспособление рядовых членов к новым советским кооперативам . . . 341

Глава 8. Метаморфозы кооперации: от разочарования в кооперативах к коллективизации (1924–1930) . . . 356
Использование репутации кооперативных идей и институтов в политической борьбе . . . 357
Несостоявшиеся городские кооперативы: стремления их членов и надзорных организаций . . . 373
От кооперирования к коллективизации: местные стратегии приспособления . . . 395

Эпилог . . . 412

Список используемых сокращений . . . 418

Библиография . . . 419

Указатель имен . . . 441

— Мне о кооперации хочется вкратце сказать… Читали, товарищ Чепурный, про нравственный путь к социализму в газете обездоленных под тем же названием, а именно «Беднота»?

Чепурный ничего не читал.

— Какая кооперация? Какой тебе путь, когда мы дошли? Что ты, дорогой гражданин! Это вы тут жили ради бога на рабочей дороге. Теперь, братец ты мой, путей нету — люди доехали.

— Куда? — покорно спросил Алексей Алексеевич, утрачивая кооперативную надежду в сердце.

— Как куда? — в коммунизм жизни. Читал Карла Маркса?

— Нет, товарищ Чепурный.

— А вот надо читать, дорогой товарищ: история уж кончилась, а ты и не заметил.

Андрей Платонов «Чевенгур»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда я заканчивала второй год магистратуры по истории в Университете Пантеон-Сорбонна Париж 1, мои научные руководители Мари-Пьер Рей и Франсуа-Ксавье Нерар предложили мне работать в докторантуре по истории кооперативного движения в царский и советский периоды. Тема и ее хронологические рамки сначала мне показались слишком широкими, а все это разнообразие кооперативов и артелей, особенно в годы НЭПа, представало как бесформенная масса в густом тумане. Я благодарна моим научным руководителям за их доверие и поддержку, которые позволили мне развеять туман кооперации и написать историю людей, которые работали в кооперативах, координировали их деятельность или пропагандировали их развитие. Отдельно я благодарю оппонентов на защите диссертации Грегори Дюфо и Сабин Дюллен.

Эта книга была изначально написана по-французски, и мне повезло работать со специалистами кооперативных движений других стран: Алексия Блен и Никколо Миньеми щедро делились со мной замечаниями, исходя из их опыта исследования американских, итальянских и французских кооперативов. Несмотря на различия, которые накладывал тот или иной национальный нарратив, кооперативные движения в разных странах мыслились самими современниками событий на рубеже XIX–XX веков как часть единого международного течения. Опираясь на это многообразие кооперативных движений, я смогла, наконец, найти точку опоры для моей истории российских кооперативов и увидеть их в новом свете. Так, кооперативы предстали передо мной в своем пестром разнообразии как варианты воплощения единой формы: инструмента социальных реформ в руках агентов модернизации.

Второй сдвиг — в сторону региональных архивов — помог мне понять, как кооперативы работали в действительности.

В Перми меня тепло приняли все сотрудники Центра сравнительных исследований, и я особенно благодарна Ирине Шевцовой, Андрею Семенову и Севе Бендерсону за наши дружные вечера после архива.

Я благодарю издательство «Новое литературное обозрение» и редактора серии Игоря Мартынюка за подаренную мне возможность сделать мою книгу доступной русскоязычным читателям. Перевод занял у меня больше времени, чем я ожидала, в том числе потому, что у меня была возможность изменить и сделать яснее целые пассажи текста. Наконец, я горячо признательна Юлии Сафроновой, которая согласилась, посредством этой книги, на нашу более тесную связь, чем простое совпадение фамилий. О более внимательной и вдумчивой научной редактуре я не могла и мечтать.

ВВЕДЕНИЕ

Если бы вы жили в Российской империи в 1909–1914 годах, занимались земледелием и вместе с двумя-тремя десятками жителей соседних селений вашей волости захотели создать кредитный кооператив, то могли бы получить в Государственном банке субсидию размером в одну или две тысячи рублей[1]. В общей сумме правительство Николая II выдало товариществам сельского кредита, созданным с 1896 по 1913 год, около 156 миллионов рублей в форме авансов и безвозмездных субсидий[2]. Несмотря на преобладающий консерватизм в социальной политике, царское правительство поддерживало развитие сельскохозяйственных кредитных кооперативов как финансово, так и административно, облегчая их создание на правовом уровне. Однако об этом не объявлялось открыто: в официальном дискурсе слово «кооператив» не фигурировало, а все меры по их развитию описывались как шаги в сторону экономического развития деревни и ее жителей.

После прихода большевиков к власти ситуация резко меняется. В статье «О кооперации», опубликованной в «Правде» в мае 1923 года, В. И. Ленин провозгласил прямую связь между построением социализма и развитием кооперативов. Последнее должно было стать новой задачей партии вместе с установлением новой экономической политики (НЭПа)[3]. Слово

---

[1] Сельскохозяйственные инструменты, такие как сеялка или плуг, стоили от 20 до 30 рублей. См.: Доклады инспекторов мелкого кредита при отделении Государственного банка… Съезду инспекторов мелкого кредита. СПб.: тип. М. Д. Ломковского, 1908. С. 14; *П-в П. П.* Об общественно-экономической роли сельского кредитного кооператива // Вестник мелкого кредита. 1913. № 8. С. 259.

[2] Материальное содействие правительства учреждениям мелкого кредита // Вестник мелкого кредита. 1913. № 13. С. 507.

[3] *Ленин В. И.* О кооперации // Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1964. Т. 45: Март 1922 — март 1923. С. 369–377.

«кооперация» прочно вошло в официальный дискурс партии после смерти Ленина в январе 1924 года. В мае того же года XIII съезд РКП(б) поддержал развитие кооперативов, присягнув на верность политике ушедшего лидера. На деле поддержка кооперации, несмотря на громкие официальные заявления, не сопровождалась целенаправленными материальным мерами. Если бы вы захотели создать кооператив в 1924–1927 годах, то вам уже не пришлось бы рассчитывать на получение субсидии для составления начального капитала. Даже в самый щедрый на субсидии 1924 год, когда партия объявила кампанию «лицом к деревне», кооперативам было выдано лишь семь миллионов рублей. В 1926 году субсидии местным кооперативам были заменены субсидиями федерациям кооперативов, но их размер едва достиг двух миллионов рублей[1].

Может показаться, что в кооперативах одинаково были заинтересованы два абсолютно разных режима: правительство Николая II и правительство большевиков. При ближайшем рассмотрении оказывается, что этот интерес в разное время принимал различные формы. Благодаря своей многозначности кооперативное движение было способно привлечь в ряды своих сторонников представителей диаметрально противоположных политических течений. Имеют ли в виду разные люди одно и то же, когда говорят о кооперативах? Как получилось, что сельскохозяйственные кредитные товарищества стали самой заметной формой объединения, тогда как слово «кооператив» ассоциируется скорее с городским магазином общества потребителей? Каким образом такие разные формы объединения, как потребительские общества, промысловые артели и сельскохозяйственные кредитные товарищества, были объединены под одним ярлыком «кооператива»? Когда, как и с какой целью он появился?

Новый взгляд на историю кооперативов

Одна из задач моей книги — понять, что собой представляли разные формы товарищеских предприятий, существовавшие в России с 1860 по 1930 год, которые и историки, и современники

[1] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 481. Л. 59.

событий назвали кооперативами. Мне не раз приходилось встречаться с тем, что определение кооператива многим кажется очевидным, но при этом у разных людей оно может сильно различаться. Во Франции, где писалась эта работа, одни коллеги, узнав тему моего исследования, задавали вопрос о преемственности между сельскохозяйственными кооперативами и колхозами. Другие, напротив, удивлялись, что кооперативы существовали в России и до революции 1917 года. Российские же коллеги обычно связывали мою тему исследования исключительно с городскими потребительскими кооперативами, относя их исключительно ко времени НЭПа.

Один из центральных вопросов книги следующий: чем объяснить то, что такие разные предприятия, как кредитные сельскохозяйственные товарищества, общества потребителей и промысловые артели, существовавшие в дореволюционной России и в ранний советский период, несмотря на их очевидные различия, относятся к одной категории «кооператив»? Что они собой представляли? Какие общественно-политические условия сделали возможным их развитие? И через какие метаморфозы, объясняющие одновременно и их различия между собой, и их сходство, прошли кооперативы с 1860 по 1930 год? Данная книга предлагает по-новому взглянуть на российское кооперативное движение, взятое во всем его разнообразии, начиная с 1860-х годов, когда в контексте общеевропейского увлечения ассоциациями на российской почве стали появляться первые формы товарищеского объединения нового типа, через развитие кооперативного движения, достигшего высшей точки накануне Первой мировой войны и расколовшегося во время Гражданской войны (1918–1922), вплоть до полной трансформации кооперативов в ходе коллективизации и сталинского «Великого перелома» 1930 года, изменивших саму суть организаций, называемых кооперативами.

С формальной точки зрения кооператив — это форма объединения людей и капитала, предприятие с общей долевой собственностью, совладельцы которого либо работают в нем, либо пользуются его услугами. Все важные решения пайщики принимают в ходе общего собрания членов, на котором голосование проходит по принципу один человек — один голос, так что

голос владельца большего количества паев весит столько же, сколько и голос пайщика с меньшей долей. Общее собрание выбирает из своих рядов от трех до пяти человек в правление, ответственное за ежедневное функционирование кооператива: осуществление закупок, ведение документации, наем рабочей силы и т. п. Для открытия кооператива, в зависимости от его типа, достаточно от пяти до двадцати пяти учредителей. Первоначальный капитал формируется либо за счет взносов пайщиков, либо благодаря внешним источникам (кредит или субсидии). Кооперативы создаются в отраслях, не требующих значительных капиталовложений (сельское хозяйство, розничная торговля и ремесла), и открывают таким образом людям скромного достатка экономические преимущества увеличения масштаба деятельности. Одно из важных отличий кооперативов от обычных акционерных обществ заключается в том, что их деятельность сопровождается распространением дискурса, подчеркивающего нравственные или политические преимущества кооперативов над частными предприятиями той же отрасли. Этот дискурс служит созданию общей идентичности у людей, связанных, прямо или косвенно, с товариществами, называемыми кооперативами, несмотря на различия их социального статуса, занятости или их политических симпатий.

Данное выше рабочее определение содержит в себе две группы критериев: формальные и реляционные. Кооперативом в этой книге называются объединения, обладающие правами юридического лица, то есть официально зарегистрированные и регулируемые уставами. Существует три основных типа объединений, соответствующих разным отраслям деятельности: объединение потребителей в сфере розничной торговли, объединение сельскохозяйственных производителей и объединение самозанятых рабочих в сфере услуг или ремесленного производства. В разных политических контекстах каждому из этих типов объединений соответствует особая юридическая форма, определяемая уставом, регулирующим их деятельность. В Российской империи эти три объединения носили следующие юридические названия: «общество потребителей» (лавка для розничной торговли), «ссудо-сберегательное товарищество» (с 1865 года) и позже появившееся (с 1896 года) «сельскохозяйственное кредитное

товарищество» (сельский банк) и «артель» (ремесленная мастерская или объединение рабочих для совместного подряда, например в строительстве). В годы Гражданской войны и в первые годы НЭПа, с 1919 по 1922 год, существовали только «общества потребителей» и «промысловые артели», а с 1924 года снова был восстановлен устав «сельскохозяйственных кредитных товариществ». Именно эти формы объединения современники событий обозначали как формы кооперативного движения.

Другие виды объединений, которые не были оформлены уставом (как артели обычного права), не являются предприятиями, а только формой совместного проживания (как коммуны), а также формы взаимопомощи (как кассы взаимного страхования) не входят в рамки моего исследования, потому что не считались частью кооперативного движения современниками изучаемых событий. Что же касается «жилищной кооперации», термина, появившегося только в советский период, то она тоже исключена из исследования. Во-первых, потому что современники не включали ее в состав кооперации. Во-вторых, количество товариществ для совместного строительства жилья в царский период было настолько незначительным, что они не были заметны в общей массе других форм объединений. Наконец, существовавшие в годы НЭПа общества совместной аренды жилья были формой административного контроля над жильцами, а не экономически выгодными предприятиями. Таким образом, важным критерием отбора была преемственность формы объединения и факт (само)идентификации ее и ее членов с кооперативным движением. Так в книге я отличаю формы объединения, называемые «кооперативами», от других форм объединения труда или капитала.

Первая линия раздела проходит между кооперативами и артелями обычного права, понимаемыми здесь как традиционные формы солидарности работников, существовавшие в России до 1917 года. Слово «артель» является лишь одним из многих названий, обозначающих объединения людей скромного достатка, создававшихся для удовлетворения экономических потребностей и структурированных по отраслям деятельности (существовали артели для выполнения сельскохозяйственных работ, для ремесленного производства, для строительных работ и т. д.). Артели

позволяли объединять капитал и совершать сделки на оптовом рынке, что делали не только рыбаки или лоточные торговцы, но даже солдаты и заключенные[1]. Деятельность таких артелей регулировалась обычным правом, а не формальным позитивным правом[2]. Вследствие этого неформальные артели, скрепленные устным или письменным договором, не обладали полными правами юридического лица и поэтому не могли брать кредиты у государственных организаций, а их деятельность в значительной степени ускользала от внимания городских элит. Помимо данного формального критерия, артели обычного права исключены из исследования также потому, что их создание не сопровождалось политическим дискурсом, характерным для объединений, претендовавших на принадлежность к кооперативному движению.

Следует сделать краткое отступление, поясняющее также принципиальное различие общественно-экономических условий, в которых появились артели обычного права, с одной стороны, и кооперативы, с другой. Следуя предложенной французскими исследователями Пьером Франсуа и Клэр Лемерсье периодизации в их «Исторической социологии капитализма», можно выделить три основных эпохи: эпоху торговли (1680–1880), эпоху заводов (1880–1980) и, наконец, эпоху финансов (1980 — по сей день)[3]. Артели обычного права были характерной формой сетевой организации производства эпохи торговли, называемой в литературе также рассеянной мануфактурой[4]. Множество мелких производителей или исполнителей отдельных этапов производства, рассеянных географически по сельской местности, и конечный заказчик в лице негоцианта, были связаны опосредовано через перекупщиков. Фигура капиталиста в эпоху

---

[1] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: О-во любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те, 1863. Том 1. А–З. С. 67.

[2] *Безгин В. Б.* Мужицкая правда. Обычное право и суд русских крестьян. М.: Common place, 2017.

[3] *François P., Lemercier C.* Sociologie historique du capitalisme. Paris: La Découverte, 2021. P. 15–19.

[4] *Келлер А. В.* Artifex Petersburgensis. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII — начала XX века: административно-законодательный и социально-экономический аспекты. СПб.: Алетейя, Независимый альянс, 2020. С. 104.

торговли воплощена в негоцианте, крупном купце, занятом оптовой торговлей товарами на дальние расстояния (в том числе и торговлей людьми), владевшем достаточным капиталом, чтобы играть роль банкира и ссужать крупные кредиты другим торговцам (а также правителям), и способном выступить в роли фабриканта, управляющего целой отраслью производства[1]. В отличие от артелей обычного права, бывших характерной формой организации коллективного труда в эпоху торговли, промысловые артели, называемые здесь кооперативами, появляются в ответ на концентрацию производства на больших механизированных заводах и пролетаризацию сельского населения. Фигура капиталиста, против которой был направлен кооперативный дискурс, тоже иная. В эпоху заводов — это владелец промышленного предприятия, которому непосредственно подчиняются рабочие. Производительные кооперативы ставили своей задачей организовать сеть мелких производителей таким образом, чтобы они могли концентрировать капитал и выдержать конкуренцию крупных предприятий и избежать пролетаризации.

Вторую границу я провожу между кооперативами и коммунами совместного проживания. Действительно, на своей начальной стадии кооперативное движение имело многие точки соприкосновения с коммунитарным движением: оба были вдохновлены идеями Шарля Фурье и Роберта Оуэна, выступавших за объединение рабочих в ответ на социальные преобразования, вызванные механизацией и развитием крупной промышленности в Англии и Франции в первой половине XIX века. В разных общественных и политических кругах, в том числе в царской России, эти идеи были приняты и переработаны поразному, дав начало двум различным движениям политической мысли[2]. Политический дискурс коммунитарного движения настаивает на отрицательном влиянии частной собственности и поэтому предлагает в качестве решения создание сообществ

---

[1] *François P., Lemercier C.* Sociologie historique. P. 16–17.

[2] О создании коммун в других странах как одном из возможных ответов на проблемы, поставленные индустриализацией и развитием капитализма, см.: *Creagh R.* Utopies américaines: expériences libertaires du XIXe siècle à nos jours. Marseille: Agone, 2009; *Lallement M.* Un désir d'égalité: vivre et travailler dans des communautés utopiques. Paris: Seuil, 2019.

для совместного проживания, члены которого вместе проводят досуг, вместе работают и делят совместное имущество. В отличие от кооперативов, большинство коммун не является юридическим лицом и не обязательно ведет коммерческую или производственную деятельность. В российской истории наиболее известными примерами таких сообществ были толстовские общины 1880–1890 годов, а также сельскохозяйственные и городские коммуны революционного периода[1].

Широкое определение кооперативов, не отграничивающее их от коммун, показало свою эпистемологическую слабость. Так, в работе 2009 года «Российская кооперация: что это было?» Елена Козлова и Вадим Телицын определяют кооперацию как «форму коллективного хозяйствования»[2] и причисляют к этой категории такие различные организации, как кассы взаимопомощи офицеров в царской армии, сельскохозяйственные кредитные союзы, городские потребительские кооперативы, а также кибуцы в Израиле. Широта географических и хронологических рамок порождает у читателя больше вопросов, чем ответов. Например, почему авторы внесли в свое определение кассы взаимопомощи офицеров царской армии, исключив все другие типы взаимного страхования рабочих и служащих? Или почему среди множества форм совместной обработки земли во всем мире упоминаются именно кибуцы и по какому критерию тогда исключены советские коллективные хозяйства?

Третье разграничение обозначим между кооперативами и обществами взаимопомощи. Речь идет о страховых фондах рабочих или служащих одного и того же предприятия или отрасли

---

[1] *Alston C.* Tolstoy and His Disciples: The History of a Radical International Movement. London: Bloomsbury Academic, 2014; *Aunoble É.* Le communisme, tout de suite!: le mouvement des communes en Ukraine soviétique, 1919–1920. Paris: Les Nuits rouges, 2008; *Дюран Д.* Коммунизм своими руками: образ аграрных коммун в Советской России. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010; *Гордеева И. А.* Забытые люди: история российского коммунитарного движения. М.: Common Place, 2017; *Stites R.* Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental life in the Russian Revolution. New York: Oxford University Press, 1989; *Willimott A.* Living the Revolution. Urban Communes & Soviet Socialism, 1917–1932. Oxford: Oxford University Press, 2017.

[2] *Козлова Е. Н., Телицын В. Л.* Российская кооперация: Что это было: очерки. М.: Собрание, 2009. С. 12.

занятости, созданных для сбора средств с целью оказания помощи своим членам в случае болезни, инвалидности, безработицы или смерти. В отличие от кооперативов, общества взаимопомощи не занимались торговой или финансовой деятельностью, а представляли собой форму взаимного страхования, существовавшую в промышленных странах до того, как государство взяло на себя функции обязательного социального страхования[1]. В России в исследуемый период вокруг касс взаимного страхования не сформировалось автономного общественного движения, так как такие общества часто находились в прямой зависимости от работодателя, который предоставлял первоначальный капитал, а затем взимал с заработной платы работников обязательный сбор на пополнение фонда[2].

Как наверняка уже заметил читатель, выбранное мною определение кооператива нуждается в разграничении двух неразрывно связанных явлений: непосредственных институций, которым присвоен статус кооператива, и более широкого набора идей и дискурсов, которые оправдывают развитие именно этой формы объединения.

Различить кооперативы и кооперативное движение

Вопреки общепринятому представлению, будто общественное движение носит обязательно протестный характер, направлено против существующего общественно-политического режима и задействует такие формы коллективного действия, как забастовки и демонстрации, социологи предлагают более широкое определение этого явления. Вслед за французским исследователем Эриком Невё под общественным движением здесь понимается

---

[1] *Gueslin A.* L'invention de l'économie sociale: idées, pratiques et imaginaires coopératifs et mutualistes dans la France du XIXe siècle. Paris: Économica, 1998; *Hatzfeld H.* Du paupérisme à la Sécurité sociale, 1850–1940. Essai sur les origines de la Sécurité sociale en France. Nancy: Presses Universitaires de Nancy, 1989; *Linden M. van der.* Social Security Mutualism: The Comparative History of Mutual Benefit Societies. Bern: Peter Lang, 1996.

[2] *Карусева И. М.* Легальные организации рабочих Петербурга: конец XIX — начало XX века. СПб.: Алетейя, 2016. С. 34.

«определенная форма согласованного коллективного действия, направленного на достижение общей цели»[1]. Так, кооперативное движение выступает *за* улучшение условий жизни его участников, а не *против* существующего политического режима. Тем не менее всякое общественное движение нуждается в фигуре противника, по отношению к которому строится самоопределение его участников. В случае с кооперативным движением в этой роли выступает отрицательный образ спекулянта (частного торговца, посредника, скупщика, ростовщика и т. д.). Более того, общественные движения не обязательно формируются в среде бедных и подавленных — доминирующие слои общества также могут создавать сообщества, защищающие их интересы[2]. В рядах «деятелей кооперации» можно встретить представителей зажиточных слоев населения, уже наделенных определенной властью.

Одним из необходимых условий для успеха общественного движения служит наличие организации, координирующей действия, собирающей ресурсы и отстаивающей общее дело. Социолог Ханспетер Кризи предложил различать четыре типа организаций, связанных с общественным движением на основании двух переменных: степень вовлеченности участников и ориентированность действий либо на государственную власть, либо на рядовых членов[3]. Так, членство в кружках, кооперативах и в кассах взаимопомощи (организациях, ориентированных на рядовых членов), так же как и участие в центральных и региональных кооперативных союзах (чья деятельность направлена на то, чтобы повлиять на органы власти) подразумевает активную вовлеченность участников движения. Политические партии и группы влияния, чья деятельность тоже адресована властям, напротив, не рассчитаны на активное участие рядовых членов[4].

Таким образом, если следовать строгому определению общественного движения Эрика Невё, лишь непосредственно

---

[1] *Neveu E.* Sociologie des mouvements sociaux. Paris: La Découverte, 2019. P. 9.

[2] Ibid. P. 9–26.

[3] *Kriesi H.* Political Mobilization and Social Change: The Dutch Case in Comparative Perspective. Aldershot: Avebury, 1993.

[4] Четвертым типом являются группы поддержки, ориентированные на рядовых членов. Соответствующего типа организации в рамках исследуемого кооперативного движения идентифицировать не удалось.

центральные и региональные кооперативные союзы являются организациями кооперативного движения. К ним относятся, например, Московский союз потребительских обществ (МСПО), учрежденный в 1898 году и переоформленный летом 1917 года во Всероссийский центральный союз потребительских обществ (Центросоюз). Местные кооперативы (кредитные товарищества, промысловые артели и потребительские общества) взаимодействовали с центральными организациями кооперативного движения в том числе благодаря посредничеству пропагандистов кооперации, которые распространяли кооперативный дискурс и идеологию. Однако участие рядовых членов кооперативов часто заключалось в простой уплате взносов или посещении собраний, поэтому они были в строгом смысле не активистами движения, но скорее его бенефициарами.

Данное разделение между кооперативным движением и кооперативами позволяет лучше понять, почему различные рядовые члены кооперативов, с одной стороны, и видные фигуры кооперативного движения, с другой, не только защищали разные интересы, но и прибегали к разным стратегиям адаптации в ходе революции, Гражданской войны и после установления советской власти. Это разграничение позволяет также понять, почему кооперативы продолжили существовать, тогда как кооперативное движение было расколото сначала войной и революцией, а затем отдельные его течения были подчинены власти большевиков.

Наконец, здесь мы подходим к четвертой линии разделения кооперативов и похожих на них организаций. Эта последняя граница проводится между формами объединений, которые были признаны кооперативами участниками одноименного общественного движения, сформированного на рубеже веков, с одной стороны, и новыми организационными формами, появившимися в первое десятилетие после прихода большевиков к власти, не имевшими аналогичной формы до 1917 года, с другой. Следуя этому критерию, из данного исследования исключены жилищно-строительные и жилищно-арендные товарищества, объединившие совладельцев или жильцов дома с целью совместного управления общими расходами по строительству нового жилья или содержанию уже существующего. Несмотря на то

что незадолго до 1917 года в России стали появляться жилищно-строительные товарищества (около пятнадцати накануне Первой мировой войны в Санкт-Петербурге), эта форма объединения не была включена участниками кооперативного движения в качестве нового течения[1]. Причиной тому может быть не только их незначительное количество, но также и относительная близость к муниципальным властям, выделявшим субсидии на жилищно-строительные товарищества наряду с другими формами городского планирования[2]. Жилищно-арендные товарищества получили развитие уже в 1920-х годах, став скорее инструментом контроля над тем, кто и на каких основаниях имеет доступ к жилью, нежели объединением жильцов, совместно управляющих домом[3]. По своему функционированию они были больше похожи на административные единицы власти в масштабе здания, чем на кооперативные предприятия.

Чем эта книга отличается от предыдущих работ о кооперативах в России

Мое исследование стало возможным благодаря широкому перечню трудов исследователей, разработавших на рубеже 1990–2000-х годов поле истории кооперативов в России с 1860 по 1930 год. За редким исключением[4], работы российских исследователей отличаются фрагментарностью анализа, когда кооперативное движение изучается только в одной отрасли (кредитные кооперативы[5], производительные кооперативы[6] или

---

[1] ГАРФ. Ф. 1838. Оп. 1. Д. 1949. Л. 2.

[2] *Mazanik A.* Shiny Shoes for the City: The Public Abattoir and the Reform of Meat Supply in Imperial Moscow // Urban History. 2018. Vol. 45. № 2. P. 214–232.

[3] *Меерович М. Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управление людьми, 1917–1937. М.: РОССПЭН, 2008.

[4] *Файн Л. Е.* Российская кооперация: историко-теоретический очерк, 1861–1930. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002; *Ким Ч. Ч.* Государственная власть и кооперативное движение в России — СССР (1905–1930). М.: ИРИ, 1996.

[5] *Бунин А. О.* Советская власть и кредитная кооперация (октябрь 1917 — 1924). Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998; *Корелин А. П.* Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. М.: Наука, 1988.

[6] *Егоров В. Г.* Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве. Становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века).

потребительские кооперативы[1]), в одном регионе[2] и в короткий период времени[3]. Работы зарубежных исследователей тоже следуют этой тенденции, при том что большинство исследований посвящено сельскохозяйственным кооперативам[4], тогда как потребительские кооперативы упоминаются лишь мельком в общих работах и не являются основным объектом изучения[5]. Несмотря на обилие работ, общего четкого определения, которое подошло бы ко всем типам предприятий, называемых кооперативом в данный период, так и не было выработано. Опираясь на уже существующие достижения историографии, данная книга прибегает к новым методам исследования и приходит к новым выводам.

Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005; *Назаров П. Г.* История создания российской промысловой кооперации, 1913–1920. Челябинск: Б. и., 1993.

[1] *Балдин К. Е.* Рабочее кооперативное движение в России во второй половине XIX — начале XX века. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2006; *Болотова Е. Ю.* «В единении — сила». Потребительская кооперация в России в конце XIX — начале XX в. Волгоград: Перемена, 2003; *Давыдов А. Ю.* Кооператоры советского города в годы НЭПа: между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией. СПб.: Алетейя, 2011.

[2] *Чедурова Е. М.* Кооперативное движение в Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. Барнаул: Изд-во АГУ, 2007; *Фурман Е. Л.* Кооперативное движение в немецких колониях Поволжья (1906 — начало 1930-х годов). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011; *Моисеева О. В.* Сельская кооперация на Юге Российской империи. Развитие кооперативных отношений на селе во второй половине XIX — начале XX в. на материалах Дона, Кубани и Ставрополья. Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2011; *Запорожченко Г. М.* Городская и рабочая потребительская кооперация Сибири в 1864–1917 гг. Новосибирск: Сибпринт, 2004.

[3] *Бунин А. О.* Советская власть; *Давыдов А. Ю.* Кооператоры советского города; *Николаев А. А.* Промысловая кооперация в Сибири 1920–1937 гг. Новосибирск: Наука, 1988.

[4] *Gerasimov I.* Modernism and Public Reform in Late Imperial Russia: Rural Professionals and Self-Organization, 1905–30. New York: Palgrave Macmillan, 2009; *Stanziani A.* L'économie en révolution: le cas russe, 1870–1930. Paris: Albin Michel, 1998; *Коцонис Я.* Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

[5] *Hessler J.* A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953. Princeton: Princeton University Press, 2004. P. 88–89; *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1998. С. 40; *Sumpf A.* La Grande Guerre oubliée, Russie 1914–1918. Paris: Perrin, 2014, P. 311.

Во-первых, мое исследование уходит от преобладающего подхода, при котором кооперативное движение идеализируется и рассматривается в ключе антагонистического противостояния общества с государством. Хотя неконфликтные формы взаимодействия кооперативов с разными инстанциями местной или центральной власти и упоминаются в существующих работах, их описание не ставит под вопрос тезис о непреодолимой границе между обществом, представленным в лице кооперативного движения, и репрессивной государственной властью[1].

Идеализация, характерная для многих исследований как российских, так и зарубежных кооперативов, уходит своими корнями в первые работы, составленные на рубеже XIX–XX веков непосредственными участниками кооперативного движения, как в России[2], так и во Франции[3]. Созданный 1895 году Международный кооперативный союз, в который входили том числе представители российского кооперативного движения, провозгласил ряд априорных свойств, присущих «настоящим» кооперативам, таких как добровольное членство, демократическое самоуправление, политическая нейтральность и независимость от местных властей[4]. Набор «кооперативных принципов», называемых в литературе также рочдейльскими (вслед за Обществом потребителей в Рочдейле, пригороде Манчестера, созданном в 1844 году и ставшем примером для подражания следующих поколений кооперативных деятелей благодаря работе Д. Я. Холиока), создает нормативный образ кооператива, но не описывает

---

[1] *Ким Ч. Ч.* Государственная власть; *Gerasimov I.* Modernism and Public Reform.

[2] *Antsiferov A. N., Kayden E. M.* The Coöperative Movement in Russia during the War. New Haven: Yale University Press, 1929; *Билимович А. П.* Кооперация в России до, во время и после большевиков. М.: Наука, 2005; *Хейсин М. Л.* История кооперации в России: все виды кооперации с начала ее существования до настоящего времени. Л.: Время, 1926; *Прокопович С. Н.* Кооперативное движение в России. СПб.: Е. Д. Кускова, 1903.

[3] *Gide C.* Les sociétés coopératives de consommation. Paris: A. Colin, 1917; *Desroche H.* Le projet coopératif. Son utopie et sa pratique, ses appareils et ses réseaux, se espérances et ses déconvenues. Paris: Économie et humanisme, 1976; *Gaumont J.* Histoire générale de la coopération en France: les idées et les faits, les hommes et les oeuvres. Précurseurs et prémices. Paris: Fédération nationale des coopératives de consommation, 1923.

[4] *Draperi J.-F.* La république coopérative: théories et pratiques coopératives aux XIX et XX siècles. Brussels: Larcier Intersentia, 2012. P. 13.

действительных практик реальных кооперативов. Этот набор критериев соответствует теоретическим постулатам сторонников кооперативного движения и их чаяниям относительно функционирования кооперативов, а не наблюдениям, основанным на реальной практике[1]. Это лишь желаемый идеал, от которого, как мы увидим в этой книге, функционирование кооперативов оставалось далеким.

Постсоветские работы о российских кооперативах во многом воспроизводят официальный дискурс кооперативного движения, идеализирующий кооперативы, которым проникнуты работы, написанные его непосредственными участниками: «Кооперативное движение в России. Его теория и практика» С. Н. Прокоповича (1903) и «История кооперации в России» М. Л. Хейсина (1926). Их общий тон, восхваляющий кооперативы и людей, их пропагандирующих, а также взгляд из центральных организаций и из среды городской интеллигенции — сформировали устойчивую канву, по которой пишутся последующие работы о кооперативном движении: история головных организаций и биография ее видных руководителей[2]. В итоге читателю представляется идиллическая картина деятельности кооперативных организаций дореволюционного периода, успешно противостоявших давлению царской власти, но беспощадно разгромленных большевиками или лишенных всякого смысла.

В русле последних работ по истории предпринимательства кооперативы рассматриваются в данной книге не как антагонисты государственной власти, а как одни из активных участников, влиявших на экономическую политику и на законодательную деятельность государства наряду с другими торговыми и промышленными предприятиями[3]. Кооперативы анализируются

---

[1] *Hély M., Moulévrier P.* L'économie sociale et solidaire: de l'utopie aux pratiques. Paris: La Dispute, 2013. P. 23–57.

[2] Кооперация. Страницы истории. Избранные труды российских экономистов, экономистов-общественников, кооператоров-практиков. В 3 т. / Сост. Н. К. Фигуровская. М.: Наука, 2008–2011; *Давыдов А. Ю.* Кооператоры советского города; *Кабанов В. В.* Кооперация, революция, социализм. М.: Наука, 1996, *Корелин А. П.* Кооперация и кооперативное движение в России, 1860–1917. М.: РОССПЭН, 2009.

[3] *Blin A.* Aider les coopératives à aider l'État. Politiques publiques et coopératives rurales aux États-Unis (Wisconsin, années 1910–1930) // RECMA. Vol. 356. № 2.

как особая разновидность предприятий и им не присваивается никаких априорных характеристик (ни как средству подавления общества в руках властей, ни как инструменту гражданской мобилизации), так что внимание уделяется тому, как разные кооперативы, адаптируясь к разным условиям в отдельных контекстах, встраивались в сложные и динамические взаимоотношения между обществом и властью, не сводимые к простому антагонизму.

Во-вторых, в отличие от большинства существующих работ, уделяющих внимание кооперативам одного типа и преимущественно на центральном уровне, данная книга рассматривает российское кооперативное движение во всем его многообразии, сочетая разные уровни анализа, от рядового кооператива с его пайщиками до международного кооперативного движения. Этим она отличается от других работ, вписавших аграрное течение кооперативного движения в более широкий контекст модернизации российского и раннесоветского общества, но ограничивших при этом определение кооперативного движения рамками сельскохозяйственных кооперативов[1].

В своем исследовании, впервые опубликованном в 1999 году, Янни Коцонис, рассматривая более короткий период, проанализировал дискурс, с помощью которого аристократические землевладельцы оправдывали создание сельскохозяйственных кредитных кооперативов по западной модели в царской России после отмены крепостного права[2]. В книге «Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1961–1914» автор приходит к пессимистичному заключению, что сельскохозяйственные кооперативы, задуманные 1870-х годах по либеральной модели, основанной на индивидуальной ответственности, не смогли прижиться в царской России, где крестьянскому сословию была недоступна частная

2020. P. 101–117; *Lefebvre Philippe*. Penser l'entreprise comme acteur politique // Entreprises et histoire. 2021. Vol. 104. № 3. P. 5–18.

[1] *Bruisch K.* Als das Dorf noch Zukunft war: Agrarismus und Expertise zwischen Zarenreich und Sowjetunion. Köln: Böhlau Verlag, 2014; *Gerasimov I.* Modernism and Public Reform; *Stanziani A.* L'économie en revolution; *Yaney G.* The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia, 1861–1930. Urbana: University of Illinois Press, 1982.

[2] *Коцонис Я.* Как крестьян делали отсталыми.

собственность. Только в 1890–1910-х годах новая модель более коллективистских кооперативов, опиравшихся на сельские общины и поддерживаемых государством, получила свое развитие.

Другие исследователи сельскохозяйственных кооперативов, также ограничившие анализ кооперативного движения одним аграрным течением, как и Я. Коцонис, задавались вопросом о степени преемственности между дореволюционными кооперативами и советскими колхозами. Работы К. Бруиш, И. В. Герасимова и А. Станциани рассматривают не столько сельскохозяйственные кооперативы, сколько агрономов с ними связанных, их профессиональную деятельность и распространяемые ими дискурсы в период с 1905 по 1930 год[1]. Они посвящены аграрным экономистам, писавшим о кооперативах, в частности, самому видному их представителю А. В. Чаянову, в то время как действительное функционирование кооперативов остается за рамками исследований.

Данная книга, напротив, рассматривает российское кооперативное движение в царский период в более широком контексте социального реформизма. Для этого здесь используется аналитическая категория «социальный реформатор», которая позволяет понять, что объединяет либеральных агрономов и аграрных экономистов из работ Бруиш, Герасимова, Коцониса и Станциани с симпатизировавшими социал-демократии экономистами, пропагандировавшими потребительские кооперативы, а также с социалистами, которые ратовали за кооперативы производительные. Термином «социальный реформатор», вслед за французским социологом К. Топаловым, я обозначаю сформировавшийся в промышленных странах в период с 1890 по 1914 год социально-политический тип акторов, обладавших рядом общих характеристик, несмотря на их разнообразие в политическом и профессиональном плане (среди них встречаются ученые, государственные чиновники, землевладельцы, промышленники, общественные деятели). Социальных реформаторов объединяет недоверие к свободному рынку в сочетании с неприязнью к революционному социализму и к стратегии классовой борьбы,

[1] *Bruisch K.* Als das Dorf noch Zukunft war; *Gerasimov I.* Modernism and Public Reform; *Stanziani A.* L'économie en revolution.

а также готовность сотрудничать с местными или центральными властями. Кроме этого, их объединяет убежденность, что научная экспертиза способна найти решение общественным проблемам[1].

В ответ на пролетаризацию и пауперизацию сельского и городского рабочего населения социально-политические группы предлагали разные меры. В то время как социал-демократы способствовали созданию рабочего движения, а социалистические партии боролись за принятие законов, защищающих промышленных рабочих, более умеренно настроенные группы социальных реформаторов искали компромиссные решения, удовлетворившие бы одновременно и рабочих, и заводовладельцев, и крестьян, и крупных землевладельцев.

Итак, кооперативы рассматриваются в этой книге как многофункциональные инструменты модернизации, которая в свою очередь определяется как совокупность практик и дискурсов конкретной социальной группы (агентов модернизации), направленных на то, чтобы преобразовать общество в соответствии с представлениями этой группы о том, каким должно быть современное общество[2]. Агентами модернизации в разных контекстах выступают агрономы дореволюционного периода, социальные реформаторы, а также большевики и кураторы кооперации на местном уровне. Различные агенты модернизации стремятся провести через кооперативы разные преобразования. Следовательно, за одним императивом о «модерности» скрываются различные проекты будущего общества. При этом дискурс, оправдывающий преобразования, настаивает на их срочности и неизбежности, а в случае отказа от них или промедления предрекает упадок и закостенелую отсталость. Так,

---

[1] Laboratoires du nouveau siècle: la nébuleuse réformatrice et ses réseaux en France, 1880–1914 / Ed. par C. Topalov. Paris: Editions de l'EHESS, 1999. P. 12–13, 44.

[2] В то время как в работах по российской и советской истории еще живы споры о том, насколько Россия современна (что подразумевает ее сопоставление с западными странами и одновременную констатацию ее особенности), вслед за исследователями других стран и регионов здесь категория «модерность» не применяется как оценочное суждение, определяющее соответствие рассматриваемого общества некой заранее заданной норме. См.: *Байфорд Э.* Создавая «модерность» // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. С. 65–67; Paradoxes de la modernité / Ed. par P. Blitstein et C. Lemieux. Liège: De Boeck, 2018. P. 10–33.

сельскохозяйственные кооперативы призваны решить аграрный вопрос благодаря модернизации деревни, а потребительские кооперативы — улучшить уровень жизни рабочих, обреченных иначе на бедственное положение.

В то время как существующие работы перенимают из кооперативного дискурса категорию «кооператор», относящуюся в равной степени как к лидерам кооперативного движения, так и к обывателям, пользовавшимся услугами кооперативов, данная книга предлагает разделять людей, так или иначе связанных с кооперативами, на разные группы[1]. Самыми многочисленными и при этом самыми труднодоступными для исследователя являются *рядовые члены кооперативов*. В большинстве своем это представители менее обеспеченных социальных слоев: рабочие, служащие, сельскохозяйственные мелкие производители, ремесленники.

В качестве *кураторов* будут рассматриваться посредники между кооперативом и остальным обществом (будь то местные или государственные власти или союзы кооперативов). В царский период часть кураторов посещали кооперативы и давали рекомендации их членам на добровольной основе. Вместе с тем существовали инспекторы мелкого кредита и инструкторы кооперации, нанятые для того, чтобы следить за деятельностью кооперативов на профессиональной основе. Кураторы выполняли двойную функцию. С одной стороны, они распространяли кооперативный дискурс и идеологию среди местных жителей, знакомя рядовых пайщиков с принятыми нормами и правилами кооперативной работы. С другой стороны, они информировали организации кооперативного движения о том, соответствует ли функционирование кооперативов ожиданиям агентов модернизации, заинтересованных в развитии движения.

В организациях регионального и центрального уровня были заняты *административные работники* — это белые воротнички кооперативных союзов и работники учреждений местной власти, в чьи обязанности входило обеспечение торговой и административной деятельности кооперативов (например, организация

[1] *Давыдов А. Ю.* Кооператоры советского города; *Лубков А. В.* Солидарная экономика. Кооперативная модернизация России (1907–1914 гг.). М.: МПГУ, 2019.

групповых оптовых закупок, бухгалтерский учет и т. д.), они также обеспечивали некоммерческие связи между кооперативами (организация съездов, курсов обучения для работников местных кооперативов и т. д.).

Наконец, следует выделить группу *агентов влияния* кооперативного движения. Это люди, занятые в основном распространением кооперативного дискурса и идеологии как в общественной сфере, так и среди представителей власти. Они публиковали работы о кооперации, заведовали периодическими изданиями и использовали свой круг знакомств для защиты интересов кооперативного движения.

Наконец, моя книга отличается от предыдущих работ об истории кооперативного движения разнообразием источников, с точки зрения как их институциональной и географической принадлежности, так и их природы (архивные документы, печатные издания, мемуары и художественные произведения).

Архивные документы, подготовленные на разных уровнях имперским и советским правительствами, дают информацию о взаимоотношении органов центральной и местной власти и местных кооперативов. К источникам, созданным на центральном уровне, принадлежат законодательные акты, относящиеся к правовому регулированию деятельности кооперативов; делопроизводственная переписка царских министерств и советских комиссариатов с местными властями о работе кооперативных учреждений и их организации. Отчеты политической полиции, акты ревизий инспекторов имперского и советского периода, сводки ГПУ, характеристики на работников кооперативных учреждений дают представление о нормативных ожиданиях центральных властей относительно того, какой деятельностью должны заниматься кооперативы и какие люди входить в их состав. К этой категории относятся отчеты о ревизиях местных кооперативов, составлявшиеся инспекторами кооперации с момента появления этой профессиональной группы в 1896 году по 1929 год. Анализ отчетов, готовившихся по одним и тем же образцам в имперский и советский периоды, позволяет проследить динамику изменений в работе кооперативов, а также трансформацию отношений между инспекторами кооперации, рядовыми членами и представителями местных властей.

Данные, представленные в отчетах инспекторов кооперации, были по возможности сопоставлены с документами, созданными самими кооперативными учреждениями обоих периодов, такими как протоколы собраний и переписка с вышестоящими организациями. Это документы не только центральных организаций, таких как МСПО (Центросоюз с 1917 года), но также и региональных союзов и самих товариществ на самом местном уровне. Два местных примера — Урал (Пермь и Свердловск) и Московская губерния (область) — помогают учесть разнообразие местных условий, в которых действовали кооперативы. Выбор Москвы объясняется ее близостью к власти и ресурсам, в то время как Урал, напротив, представляет собой случай периферии. Внимание к этому промышленному региону также продиктовано тем, что именно здесь в 1897 году было сконцентрировано самое большое число кооперативов. Документы уральских кооперативов советского периода лучше сохранились в архивах Свердловской области, тогда как материалы по дореволюционным кооперативам в основном представлены фондами архива Пермского края.

К ряду источников, созданных на местном уровне, принадлежат также мемуары, позволившие восстановить некоторые подробности о взаимоотношениях разных деятелей кооперации. В книге были использованы воспоминания В. М. Хижнякова, М. Д. Шишкина, В. Ф. Тотомианца и Л. В. Щегло.

Географические рамки исследования ограничены центральной частью Российской империи, они не включают западные и южные окраины и Среднюю Азию, что соответствует границам РСФСР без среднеазиатских автономных республик, выделившихся в 1936 году в союзные республики. Такой выбор объясняется значительными отличиями в том, что касается экономических возможностей кооперативов на периферии по сравнению с центром империи, разницей законодательных систем и степени интеграции в мировой и национальный рынок[1]. Так, кооперативы на западных и юго-западных окраинах

[1] Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение / Ред. Е. М. Болтунова, В. Сандерленд. М.: Новое литературное обозрение, 2021; *Burbank J.* An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. Vol. 7. № 3. P. 397–431; *Kivelson V., Suny R.* Russia's Empires. Oxford: Oxford University Press, 2017.

(финских, балтийских, польских, украинских и бессарабских) быстрее смогли накопить капитал и развивались успешнее, чем в центре империи, потому что оказались ближе к международным торговым путям; городские кооперативы западных окраин развивались в условиях большей степени урбанизации, а кооперативы сельской местности юго-западных окраин объединяли производителей товарного земледелия.

Таким образом, исследование опирается на примеры из разных регионов центра с отдельным фокусом на два региона: Московскую губернию (область) и Пермскую губернию, ставшую в 1923 году одним из округов в составе Уральской области с административным центром в Свердловске. Уральская область существовала с 1923 по 1934 год и включала бывшие Пермскую, Екатеринбургскую, Челябинскую и Тюменскую губернии; в 1923 же году уезды и волости были упразднены и заменены округами и районами.

Опираясь на источники как центральные, так и местные, эта работа стремится восстановить, чем в действительности занимались люди, не только пропагандировавшие кооперацию, но также состоявшие рядовыми членами местных кооперативов. Задачей было понять, как реально работали разные по типу кооперативы на различных уровнях и какие взаимоотношения были между членами кооперативов и людьми, их пропагандировавшими. Взгляд последних формировался в свете их представлений о том, какими должны быть кооперативы в России, поэтому важную роль в исследовании играет анализ дискурсов о кооперации.

Источниками для анализа нормативного дискурса об идеальных или «настоящих» кооперативах послужили периодические издания и разнообразные брошюры по пропаганде кооперации. Многочисленные брошюры, изданные в дореволюционный и советский периоды, приводят примеры успешных кооперативов как за рубежом, так и в России, описывая их деятельность, а также публикуя биографии основателей кооперации и создавая таким образом пантеон движения. Одним из основных нарративных приемов было описание трудностей и лишений, через которые проходила группа людей, пока кто-то самый смелый и инициативный из них либо кто-то извне не предлагал

организовать кооператив, который мгновенно улучшал материальное положение своих членов.

Журналы, издаваемые различными организациями, координировавшими кооперативы, позволили проанализировать и сравнить позиции разных ветвей кооперативного движения. В работе была использована периодика имперского периода, печатавшаяся в Санкт-Петербурге: «Вестник мелкого кредита» (1912–1915), журнал Управления по делам мелкого кредита при Государственном банке и «Труженик» (1908–1909), созданный группой социал-демократов в Санкт-Петербурге, освещавший деятельность независимых кооперативов. Кроме этого, были задействованы периодические издания, печатавшиеся в Москве как до, так и после 1917 года: журналы МСПО (Центросоюза с 1917 года) «Союз Потребителей» (1903–1930) и «Объединение» (1911–1918), журнал Совета Всероссийских кооперативных съездов «Вестник кооперативных союзов» (1914–1918) и журнал «Вестник кооперативного кредита» Московского народного банка (1918). Также были проанализированы журналы союза потребительских обществ Перми: «Известия потребителей» (1914–1917) и «Кооперативная жизнь» (1918). На основе публикаций периодических изданий были созданы зарисовки из деятельности различных кооперативов и реконструированы личные траектории наиболее знаковых деятелей кооперации.

Наконец, отдельную группу источников составляют художественные литературные произведения, большинство из которых относятся к пропагандистской беллетристике. Сюда входят театральные пьесы о создании кооперативов, написанные в 1910-х годах для народных театров, такие как пьеса «В низинах» А. Ф. Клепикова, «В борьбе» А. Подсосова, и «Деревенские герои» С. Т. Терентьева. Жанр кооперативных пьес сохранился и в годы НЭПа, и такие произведения, как «Путь к счастью» В. Брут или собранные в книге «Кооперативная сцена. Сборник кооперативных пьес, лубочных инсценировок и раешников», позволили проследить эволюцию жанра, служившего одним из каналов распространения кооперативных идей, норм поведения и ценностей кооперативного движения. Пьесы народного театра воплощали на сцене живые картины

из жизни воображаемого идеального кооператива и дополняли собой нормативный дискурс, сформировавшийся в периодических изданиях.

О чем эта книга

Главный тезис, который я предлагаю на обсуждение в книге, следующий. В то время как кооперативы царского периода понимались прежде как проявление гражданского общества и были представлены как утраченная в ходе революции 1917 года демократическая форма товарищеского предприятия, которую большевики насильно разрушили, заменив принудительными формами объединения, колхозами в том числе, книга утверждает, что кооперативы можно лучше понять, если дать им такое определение, которое оставалось бы рабочим как для дореволюционного, так и для советского периода. Так, кооператив понимается здесь как гибкий инструмент для проведения преобразований в обществе, оправдываемых дискурсом о необходимости модернизации. Такое определение позволяет подтвердить гипотезу о том, что кооперативы использовались в оба периода разными социальными группами среднего достатка и выше для того, чтобы влиять на бедные классы и контролировать их поведение.

Широкие хронологические рамки исследования позволяют показать, что, вопреки принятому мнению, кооперативы не имеют естественных и неизменных характеристик, таких как демократическое управление, независимость от властей и политическая нейтральность. Наоборот, пластичная форма кооперативного предприятия легко приспосабливается к разным экономическим условиям, а кооперативный дискурс наделяет работу кооперативов конкретным политическим смыслом в соответствии с проектом преобразования общества, который эти кооперативы призваны воплотить в жизнь. При этом рядовые члены кооператива, будь то сельские или городские жители, вкладывают в свое участие в кооперативе иной смысл, чем ожидают от них агенты модернизации. Так, характерной чертой как для дореволюционного, так и для советского периода было несоответствие реальной деятельности кооперативов ожиданиям разных участников.

Анализ царских и советских кооперативов во всем их многообразии проливает новый свет на отношения между просвещенной элитой и «простым народом», каким его себе представляли социальные группы, себя к народу не причислявшие. Кооперативы оказались невероятно многогранным инструментом в их руках, применявшимся в различных условиях для того, чтобы оказать влияние на простых трудящихся, будь то сельские обыватели, промышленные рабочие или ремесленники. Пластичность и положительная репутация этой формы деятельности позволили сменявшимся элитам внедрять кооперативы и развивать существовавшие во имя разных модернизационных проектов. При отсутствии согласия относительно того, каким должно быть современное общество и какими должны быть кооперативы, разные акторы сходились на том, что развитие кооперативов приведет к процветанию общества и улучшит условия жизни бедных классов. Предполагалось, что кооперативы станут местом самоорганизации и эмансипации для простых трудящихся, но в действительности их деятельность тщательно контролировалась управляющими кадрами, которые говорили от имени народа и во имя народа. Задолго до прихода к власти большевиков кооперативы стали средством, с помощью которого агенты модернизации стремились направить участие городских и сельских обывателей в общественной сфере по заданному заранее руслу.

Книга состоит из восьми глав. Первая посвящена распространению идей ассоциации и появлению первых попыток их осуществления в царской России в период с 1860 по 1895 год, в ходе которых инициаторы адаптировали заимствованные западные модели к местным условиям. В этот период проб и ошибок создаваемые объединения, впоследствии признанные теоретиками кооперации в качестве одной из начальных форм кооперативных организаций, еще не назывались таковыми. Общей тенденцией в этот период был политический сдвиг от проекта ассоциации, изначально связанного скорее с радикальными политическими идеями и практиками, к более умеренному социальному реформизму. Именно этим переходом к более умеренным политическим проектами можно объяснить выход из употребления понятия «ассоциация», сменившегося набиравшим популярность словом «кооперация».

Следующие три главы посвящены периоду консолидации кооперативного движения с 1895 по 1914 год. Во второй главе читателю предлагается социальный портрет управляющих кадров и видных фигур кооперативного движения. В главе показано, как группа социальных реформаторов, выступавших за кооперативы как инструмент модернизации, расширялась в социальном и политическом плане. Сначала в ее составе доминировали крупные землевладельцы, но после революции 1905 года институции, объединявшие этих реформаторов, открылись для более широких социальных категорий. Разобщенные до 1905 года течения кооперативного движения, образованные вокруг сельскохозяйственных, потребительских и производительных кооперативов, объединились в единое кооперативное движение благодаря предоставленным революцией новым возможностям. Для того чтобы получить больший вес на политической арене, различные течения (аграрные реформаторы, выступавшие за сельскохозяйственные кооперативы, умеренные социал-демократы, продвигавшие потребительские кооперативы, и социалисты, придерживавшиеся немарксистских взглядов и содействовавшие объединению ремесленников, а не рабочих крупных заводов) отложили свои разногласия ради общей задачи — сделать кооперативное движение заметным и добиться от правительства принятия благоприятных законов.

Более подробный анализ аграрного течения кооперативного движения, задач, которые ставили его участники для объединений в сельской местности, а также анализ взаимоотношения кураторов кооперации с сельскими обывателями составляет предмет третьей главы. Критерии отбора, согласно которым кураторы кооперации определяли крестьян, считавшихся достойными олицетворять модернизацию деревни в составе сельскохозяйственных кооперативов, зависели от того, к какой институции были привязаны кураторы, уровня их подготовки и оплаты труда. Анализ отчетов о посещении кураторами кооперативов позволяет понять, каким указаниям сельские обыватели следовали на практике и как они приспосабливали их к местным нуждам. Сельские жители рассматриваются не только глазами интеллигентных наблюдателей, но также и благодаря редким источникам, в которых крестьяне высказывались

от первого лица. К ним относятся в том числе письма, написанные участниками экскурсии по западноевропейским кооперативам, организованной с целью убедить сибирских крестьян в возможности достичь благополучия при условии развития кооперативов.

В четвертой главе изучаются потребительские кооперативы, чье развитие, в отличие от сельскохозяйственных кооперативов, не поддерживалось финансово государством. До 1905 года царский режим мирился с существованием потребительских обществ, ориентированных на городские средние классы, так как они считались политически менее опасными, чем объединения в среде рабочих. Провозглашенная на короткий промежуток с 1905 по 1908 год свобода собраний открыла новые возможности для расширения социального состава существовавших кооперативов, а также для создания новых обществ в среде менее обеспеченных социальных слоев. В реальности общества потребителей были далеки от того, каким активисты кооперативного движения представляли себе идеальный независимый рабочий кооператив, верный рочдейльским принципам. Накануне Первой мировой войны большинство потребительских кооперативов находилось в сельской местности, а не в городах. Кооперативы, объединявшие промышленных рабочих, часто находились под надзором администрации предприятия и таким образом становились косвенным инструментом контроля работодателя за своими подчиненными. Наконец, вопреки ожиданиям пропагандистов кооперации, которые надеялись, что кооперативы послужат развитию гражданского самосознания и самоорганизации в среде рабочих во имя процветания всего общества, представители бедных классов массово вступали в кооперативы по другим причинам. Их основным мотивом было получение доступа к новым потребительским товарам. Пропагандисты кооперации критиковали такое поведение как эгоистичное.

Пятая глава рассматривает, как переход на военную экономику, трудности с поставками, растущие политическая напряженность и ксенофобия, с начала Первой мировой войны и вплоть до революции 1917 года и прихода к власти большевиков трансформировали кооперативное движение. Его участники

по-разному адаптировались к новым условиям в зависимости от их социального статуса и политических симпатий. В то время как видные фигуры течения потребительских кооперативов увидели в трудностях со снабжением возможность утвердить монополию кооперативов на розничную торговлю, деятели, выступавшие за сельскохозяйственные кооперативы, напротив, теряли большую часть своего влияния внутри движения. Накануне октябрьского переворота 1917 года одни представители кооперативного движения занимали министерские посты во Временном правительстве, другие — руководящие посты в Советах, а третьи сожалели о том, что их бывшие товарищи по кооперации покидают кураторство над местными кооперативами и уходят в большую политику.

Последние три главы охватывают советский период с октября 1917 по 1930 год. Главы шестая и седьмая покрывают период кровопролитной и разрушительной Гражданской войны (1917–1922), за которым последовали голод и эпидемии, вплоть до 1924 года, когда экономическая жизнь постепенно начала восстанавливаться после относительной либерализации рынка в 1921 году. Захват власти большевиками положил конец всякой возможности примирения между разными течениями бывшего единого кооперативного движения. Столкнувшись с цинизмом и бескомпромиссностью большевиков, готовых подчинить себе кооперативы, бывшие руководители центральных кооперативных союзов не выступили с единой стратегией. Репертуар их реакций включает в себя эмиграцию, уход из кооперации, молчаливое приспособление при сохранении своего несогласия и, наконец, открытое сотрудничество с большевиками. В шестой главе показаны различные стратегии адаптации кооперативных центральных организаций и их руководителей к новым условиям работы при большевиках; в седьмой главе рассматриваются преобразования в кооперативах на региональном и местном уровнях. Несмотря на значительные экономические потери, вызванные расхищением в ходе Гражданской войны и частой реструктуризацией кооперативного аппарата новыми советскими властями, искавшими способ подчинить себе кооперативы, они смогли адаптироваться к меняющимся условиям и продолжали функционировать, снабжая своих членов доступными товарами.

Таким образом, кооперативы стали одним из средств выживания и источников снабжения и как таковые подверглись новым преобразованиям, на этот раз со стороны рядовых членов кооперативов и местного населения, готовых нарушать правила работы кооперативов, установленные новыми властями, ради доступа к товарам и продовольствию.

Наконец, восьмая глава посвящена периоду между кампанией «лицом к деревне» 1924 года и принудительной коллективизацией 1930 года. В ней проясняется, как кооперативные институты, дискурс и идеология стали объектом инструментализации со стороны большевиков ради достижения их политических целей. Надежды большевистских властей, что потребительские кооперативы вытеснят частных торговцев, не оправдались, так же как не сбылись чаяния простых городских и сельских жителей получить доступ к разнообразным товарам хорошего качества благодаря кооперативам. В условиях неравноправного обмена между городом и деревней и в отсутствие государственных субсидий члены правления местных сельскохозяйственных кооперативов были вынуждены прибегать к неформальным практикам, чтобы продолжать свою деятельность. Среди производительных кооперативов, называемых «артелями», нарушение правил получило такое широкое распространение, что они стали идеальной юридической формой для сокрытия наемного труда и спекулятивных операций. Слово «кооператив» все чаще стало ассоциироваться с торговлей товарами плохого качества. Упадок репутации кооперативов облегчил их огосударствление во время сталинского «Великого перелома» в 1930 году.